

Связаны судьбою

23.12.2020 *Биробиджанер Штерн*

Фото Олега Черномаза

Этот наш земляк стал частью истории, даже можно сказать некой точкой отсчета жизни Биробиджана.

Он был первым ребенком, родившимся в городе, именно ему выдали свидетельство под почетным номером один.

И этим первым биробиджанцем оказался известный в областном центре человек – Виля Арнаполин, который недавно ушел из жизни. Его судьба оказалась неразрывно связана с родным городом и другими его жителями

В последних числах 1936 года в Биробиджане, уже именовавшем себя городом, но еще не приобретшем официального статуса, родился мальчик, который был внесен в книгу записей актов гражданского состояния под номером один. Отец дал ему странное даже в то время имя – Виллий. Что оно означало, и почему первый ребенок в многодетной семье Арнаполиных был так назван, папа и сам толком не смог объяснить, сколько его Виля ни расспрашивал. У многих детей, родившихся в те годы, были удивительные по звучанию и смыслу имена: Ким – коммунистический интернационал молодежи, Гертруда – герой труда. Виллий, или как в быту его звали – Вилен, означало не что иное, как Владимир Ильич Ленин. Так и сам Виля считал, и его друзья, и секретарь парткома завода «Дальсельмаш» Василий Махинин, принимавший его в партию. Со временем он привык к своему странному имени и даже считал себя чуть ли не связанным какими-то символическими узами с самим вождем.

Первый гражданин Биробиджана только в год 65-летия города узнал, что был зарегистрирован под номером один. Корреспондент газеты «Миг» Людмила Чемортан, готовя материал к юбилею областного центра, раскопала эту информацию совершенно случайно. Оказалось, что номером один был Виля Арнаполин – Почетный гражданин Еврейской автономной области.

Биробиджан рос и развивался на глазах у первого своего жителя. Виля стал свидетелем многих важных событий. Так случилось, что наши семьи были знакомы. Наши с Вилей отцы встречались еще на фанерном заводе, рядом с которым в деревянном двухэтажном доме жила вся семья Арнаполиных. После роддома Виллю привезли в этот дом, стоявший на самом отшибе города, почти у реки. С отцом моей жены, Рафаилом Херсонским, Виля работал на «Дальсельмаше». Позже подружились и мы с Вилей. Он часто делился своими воспоминаниями, рассказывал о старом Биробиджане.

Наводнение 1945 года, улица Ленина
pastvu.com

Детские годы запечатлевают многие события, но только некоторые остаются в памяти на всю жизнь. Для Вили это был День Победы. Весна в 1945 году наступила рано, и солнце уже успело прогреть землю. Деревья начали распускать свои листочки, и в воздухе ощущалась весенняя свежесть пробуждающейся природы. В Биробиджане утром того дня на небосклоне не было ни одного облачка, и яркое солнце спозаранку пробудило все живое в округе.

В те майские дни мимо Биробиджана на Восточный фронт днем и ночью мчались эшелоны с танками, пушками, прочей техникой, с вагонами-теплушками, полными военных или лошадей. Они делали краткую остановку на нашей станции, заправлялись водой и двигались дальше.

Где-то после девяти часов утра, когда по громкоговорителям, установленным на столбах, объявили об окончании войны и нашей Победе, в городе, хоть это и был рабочий день, спонтанно возникло необыкновенное ликование. Из домов, квартир люди выскакивали на улицы, обнимались, целовались, забегали к соседям, у которых не было радиоприемника, поздравляли и кричали: «Ура, Победа!»

«В это время, – вспоминал Виля, – мы услышали стрельбу из орудий, звук, которой был слышен по всему городу. Мы побежали к железной дороге и увидели что-то невероятное: солдаты открыли стрельбу из стоявших на платформах танков, пушек, задрав дула кверху. Очереди из автоматов перемежались с одиночными pistolетными выстрелами, стоял невообразимый грохот канонады орудий. Это было импровизированное празднование Дня Победы, которое никто специально не готовил, но оно запомнилось мне на всю жизнь. Это был настоящий салют Победы, завоеванной ценой многих жизней. Этот день мы ждали долгих пять лет».

После войны семья Арнаполиных переехала на Чапаева, 2. Напротив их дома стояла синагога, и всему, что там происходило, Виля был первым свидетелем. Он учился в первой школе, которая в то время была только для мальчиков. Лишь в 1949 году были внесены изменения в воспитательный процесс, и туда пришли девочки, отчего стало значительно веселее учиться.

В начальной школе Виля учился в одном классе с Игорем Бахмутским, сыном секретаря обкома партии. Бегал с ним играть в футбол. В 1948 году в Биробиджан должна была приехать американская делегация. Специально для этой встречи председатель горисполкома Ярмицкий готовил только что сданный двухэтажный деревянный дом на улице Ленина, в котором переоборудовали квартиры под гостиничные номера. Маму

Вили направили туда работать кастеляншей. Как-то Виля зашел к ней на работу и был поражен богатым убранством комнат, роскошной мебелью для тех лет. Но американцы не приехали, а против руководителей области и города на следующий год возбудили уголовное дело. Сын Бахмутского ушел из школы, и больше его не видели.

Тогда же закрылся Биробиджанский еврейский театр. Последний спектакль в нем шел на еврейском языке и назывался «Колдунья». Виля хорошо запомнил музыку и слова песни из этого спектакля: «Кум, кум цу мир а эйм» – «Иди, иди ко мне домой», напевал он мне. После этого спектакля театр закрыли на реконструкцию и открыли его уже в новом качестве – как Дом пионеров и школьников.

Больше половины учащихся школ ходили туда в различные кружки, которые проходили в бывших костюмерных еврейского театра на первом и втором этажах. Это было престижно и интересно. Классные руководители на родительских собраниях отмечали активную жизненную позицию учеников. Многие пацаны после войны мечтали стать летчиками, моряками, танкистами. И для мальчишек записаться в авиамodelьный или радиокружок было все равно что пройти курс подготовки на обучение летчика. Авиамodelьный кружок вел Виктор Васильевич Кобелев, бывший военный летчик. К нему ходило около 200 учеников. Посещал этот кружок и Виля.

Футбольные баталии
shkolnik08.livejournal.com

Кроме того, он с друзьями любил играть в футбол. Вначале это происходило на Старой площади. Раньше там, напротив магазина, расположенного в правительственном доме (так называли 3-х этажный дом рядом с мэрией), была гравийная площадка. Позже здесь обустроили сквера. Тогда мальчишки перешли играть чуть дальше, где сейчас стоит новый роддом. В конце пятидесятых годов, когда на этом месте начали строить деревянные двухэтажные дома, ребята ушли на прибрежную поляну, получившую название «Бирское поле». Там летом многие годы проходили футбольные баталии, туда приходили размяться даже настоящие футболисты, а не только босоногая ребятня.

«Запомнился поход в пятом классе, который организовал Матвей Мазур, наш старший пионервожатый, – вспоминал Виля. – Он ходил по школе в сапогах, брюках-галифе и гимнастерке, поверх которой был повязан красный пионерский галстук. Двухдневный поход должен был стать для нас проверкой на выносливость и организованность, тогда было так принято. Мы должны были дойти пешком до села Валдгейм. На эту старую разбитую дорогу, которую и дорогой-то назвать можно было с трудом, мы вышли часов в восемь утра. Почти целый день добирались до села Птичник, где пообедали и поужинали одновременно. Тогда же было принято решение переночевать в одноэтажной деревянной школе, большие похожей на барак. На

следующий день у нас уже не было ни сил, ни желания идти дальше, и Мазур решил возвращаться домой. Так и закончился наш поход».

Надо было помогать родителям кормить младших детей. Поэтому Виля перешел на вечернее отделение школы и устроился слесарем на «Дальсельмаш». В ремонтном цехе завода он прошел путь от слесаря до мастера, старшего мастера и затем стал начальником цеха.

Старый Биробиджан
itd1.mycdn.me

«Летними вечерами после работы мы любили гулять по нашему «гортону», – рассказывал он. – Так мы в конце сороковых годов называли улицу Октябрьскую. Маршрут передвижения был от гастронома до вокзала. «Гортон» означал для нас – «пойдем по городу топать», а уже в начале пятидесятых годов переименовали этот маршрут в биробиджанский Бродвей».

Одним из самых сильных впечатлений осталось у Вили наводнение 1946 года: *«Бира так разлилась, что вода пошла в город на улицы и площади, затопливая низины. В этих разливах и потоках воды рыбы потеряли ориентиры главного русла и безопасных ям – зимовищ. В том году на перекрестке улиц Театральной и Шолом-Алейхема, если смотреть от Биры чуть вправо, образовалось небольшое озерцо. Какими-то неведомыми путями в него заплыла рыба. Мужики, проживавшие в соседних домах, перегородили большими досками выход из этого искусственного озерца и больше недели ловили в нем рыбу. Они бродили по заиленному дну по пояс в воде и били острогой и вилами рыбу. Щука, сом, таймень, угорь – чего там только не было. Нам, мальчишкам, вода доходила до груди, но мы тоже толкались там, пытаясь что-нибудь подцепить на самодельную пику из проволоки. Мутная вода бурлила от выпрыгивающих на поверхность и борющихся за выживание огромных рыбин».*

В тот год вода принесла много бедствий и для фауны, обитающей по берегам реки. Было какое-то нашествие на наш город белок. Я впервые увидел, как белки стаяй плыли по реке. Иногда они забирались на бревна и коряги, которые во время наводнения были потеряны сплащиками леса. Белки атаковали город в поисках пищи. Они были на деревьях, на крышах и чердаках домов, даже заскакивали на помойки, чтобы чем-нибудь поживиться. Мы с друзьями гонялись на нашем чердаке за несколькими белками. Наконец, загнав одну из них в угол, я обрадовался, попытался ее схватить, но она оказалась проворнее и, укусив меня за палец, ускользнула прямо из рук. Когда вода спала, через некоторое время белки так же внезапно исчезли, как и когда-то появились в городе».

Наводнение, 1960-е годы. Фото Ю. Косвинцева
riabir.ru

Следующее наводнение в 1960 году полностью затопило многие районы города и завод «Дальсельмаш». В тот кошмарный день, когда люди, работавшие на укреплении дамбы, сообщили нам около пяти часов вечера, что удержать дамбу в районе сопки не удастся, руководители завода приняли решение снимать моторы со станков, техники и поднимать их, чтобы вода не залила. Хоть у многих уже закончился трудовой день, все остались на рабочих местах. Под конец вспомнили, что есть же еще огромные 75-киловаттные двигатели на лесопилке. Их снимали и вытаскивали уже в темноте, при свете пламени костров и свечей, возились до двенадцати часов ночи и только потом пошли домой. Дорога через проходную была затоплена, и нам пришлось идти по рельсам. На следующий день автобусы на окраины города уже не ходили, только в центре, да и то по нескольким улицам. Наш автобус доехал до завода силовых трансформаторов, а дальше мы добирались пешком по рельсам, ведущим к ТЭЦ. Но там, где мы шли ночью, по рельсам уже невозможно было пройти. Они были выворочены и искорежены, как будто за ночь кто-то специально пытался их выдрать. Шпалы торчали в разные стороны. С большим трудом мы добрались до заводских цехов. Стало не по себе от того, что увидели: вода в помещениях стояла по колено. Восстановление завода после того наводнения заняло не одну неделю.

В районе лесозавода, стоявшего напротив сопки, был залив, куда обычно сплавлялся лес. В небольших бараках, стоявших у воды, жили сплавики. Там же была маленькая конторка. Залив перегораживал бон из огромных кедровых бревен, сбитых большими скобами и дополнительно связанных в два-три бревна проволокой, по которому сплавики перебирались, виртуозно орудуя баграми и загоня туда спускавшийся с верховьев Биры лес. Но с таким небывалым подъемом воды они ни разу не сталкивались. До последнего люди оставались в бараках. Когда стало понятно, что еще вот-вот и оборвется бон, удерживающий барак, последние сплавики покинули свое пристанище. Через полчаса трос, удерживающий ограждение, лопнул под напором огромного количества бревен, и река поглотила барачные строения, словно в каких-то жерновах завертела бревна, которые рванули вниз по течению, беспорядочно натывая друг на друга. Сотни кубометров леса потеряло предприятие в то наводнение».

Виля Арнаполин тогда еще долго рассказывал мне о городе, о людях, с кем ему доводилось работать или даже мимолетно встречаться. Он помнил каждый дом, где принимал участие в строительстве, каждую улицу и верил в будущее города, своих детей и внуков.